

В ту ночь Чжуана Шаогун преследовали кошмары. Ему виделись жены и дети убитых разбойников, рыдающие в голос; мерещилось, будто он стоит у потайной двери в кухонном подвале, и толпы изувеченных призраков ползут к нему, цепляясь мертвой хваткой за ноги.

Внезапно тени рассеялись. К нему неспешно вышла женщина в подвенечном наряде и алой парчовой накидке. Шаогун смутно догадался, что это его невеста. Он протянул руку, желая поддержать её, но та лишь холодно оттолкнула его. Сбросив праздничный венец и расшитое покрывало, она упала в объятия болезненного юноши.

Юноша этот был прекрасен лицом, точно резная яшма, но бледность его казалась мертвенной. Кем он мог быть, если не Умином?

— Ох! — вскрикнул Шаогун и рывком сел в постели.

«Что за нелепый сон?» — пробормотал он про себя. За окном шелестела листва бамбука. Ветер, ворвавшийся в комнату, принес предрассветную прохладу — близился час пятой стражи, и лишь пара птиц лениво подала голос в тишине.

Шаогун помнил, что вчера вечером писал письмо домой и так и уснул, уронив голову на стол. Как же он оказался в кровати?

Наскоро одевшись, он вышел из комнаты. Дверь соседних покоев была распахнута настежь — на ложе, закинув руки, спал тот самый юноша, Умин. Шаогун на цыпочках подошел к нему. Тот лежал с закрытыми глазами, выглядя на редкость беззащитным.

«До чего же несносный малый, — подумал Шаогун. — Даже во сне умудряется доводить меня до иступления».

Он осторожно тронул Умина за плечо и негромко, но твердо произнес:

— Умин, пора вставать.

Юноша приоткрыл глаза, скользнул по нему мутным взглядом и снова равнодушно зажмурился. Шаогун знал, что тот привык просыпаться к полудню, но всё же решил воззвать к его разуму:

— Умин, путать день с ночью вредно для здоровья. Смена времен года, дня и ночи — основа жизни и смерти. В «Трактате Желтого Императора о внутреннем» сказано: «Кто следует этому порядку — живет, кто противится — умирает». Разве сон вопреки времени не есть путь к гибели?

— Тогда дай мне умереть, — глухо отозвался Умин. Он отвернулся к стене и свернулся клубком, всем своим видом выказывая решительное нежелание продолжать беседу.

Для таких людей, как он — рожденных для смерти, — жизнь не имела цены. Угрожать им кончиной было верхом наивности, но лишь молодому господину Чжуану могло прийти в голову пугать наемного убийцу цитатами из медицинских канонов.

Шаогун присел на край кровати, сочувственно похлопав юношу по спине:

— К чему эти мрачные речи? Все мы когда-нибудь умрем. «Вчера расцвел цветок, сегодня — другой. Сегодня он в полной красе, а вчерашний уже увял». Молодость не вечна, неужели тебе не хочется взглянуть на цветы за окном?

Умин лишь натянул одеяло до самых ушей. Видя, что юноша перешел от притворной болезни к откровенному упрямству, Шаогун продолжил с терпением наставника:

— К тому же первый крик петуха — время для омовения. Это ведь основа человеческого приличия, не так ли?

Вспомнив, что Умин не считает себя человеком, Шаогун решил сменить тактику и прибегнуть к колкости:

— Умин, ты твердишь, что ты лишь оружие, и воля хозяина для тебя — закон. Так почему же ты не встаешь, когда тебе велят? Выходит, ты всё же человек? Причем человек ленивый.

Умин, не выбираясь из-под одеяла, парировал:

— Ты когда-нибудь видел, чтобы оружие само вставало с постели?

После этих слов он замер, окончательно превратившись в неподвижный ком. Признавая свое поражение, Шаогун удрученно вздохнул и спустился вниз.

В главном зале постоялого двора было пусто. Заходить на кухню Шаогун поостерегся. Выйдя на задний двор, он увидел возничего Уди — тот стоял у конюшен с обнаженным торсом и чистил лошадей.

В их повозку были запряжены двое: статные, мощные кони, один белый, другой рыжий. Белая кобылица щеголяла ровной «челкой», её серебристая грива сияла в лучах восходящего солнца. У неё были нежные черные глаза и длинные ресницы — истинная красавица среди лошадей. Она покорно стояла, пока возничий возился с ней, лишь изредка негромко ржала и доверчиво тыкалась мордой ему в плечо.

— Сяо Лянгао, — приструнил её возничий.

Серебристая грива намочила его одежду, и он, отвязав бурую рубаху от пояса,

продемонстрировал крепкое, жилистое телосложение.

— Не балуй.

Рыжий конь, стоявший рядом, напротив, беспрестанно мотал головой и фыркал, всячески противясь чистке. Возничего окатило брызгами, и он, не то со злостью, не то с усмешкой, выругался:

— Тьфу, создание безмозглое.

В поместье Чжуан было немало породистых скакунов, но Шаогун никогда не разбирался в лошадях и не обращал на них внимания. Даже если бы перед ним предстал легендарный Читу, он едва ли удостоил бы его взглядом. То, что эти двое способны без усталости тянуть повозку, не отвлекаясь на придорожную траву, казалось ему само собой разумеющимся.

Видя, как Ма беседует с животными, словно с людьми, Шаогун любопытствовал:

— Дядя Уди, неужели они понимают?

— А как же иначе, — возничий обернулся и поклонился. Похлопав рыжего коня по шее, он усмехнулся: — Вот этот, Доушабао — настоящий бес. В три года научился зубами отодвигать засовы и уводить за собой весь табун. Ваше поместье — это ведь сотня му земли, обнесенная высокими стенами, куда там сбежишь? Так он от злости начинал носиться кругами, расшибая морду в кровь о камни. Кто видел это безумие хоть раз — вовек не забудет.

Шаогун что-то такое припоминал. В юности, когда он сидел в родовой школе и слушал лекцию по «Чжуан-цзы», за окном внезапно поднялся невообразимый шум. Учитель тогда довольно кивнул и произнес: «Смотрите, вот она — та самая паршивая овца, что портит всё стадо».

— Дядя Уди, — задумчиво произнес Шаогун, — вы ведь в нашем доме уже лет десять, не меньше?

— И то правда, время летит быстро, — возничий бросил на него короткий взгляд, и в его глазах промелькнула теплота, похожая на отблеск затухающих углей. — Молодой господин стал совсем взрослым и статным.

Шаогуну стало неловко от этой похвалы.

— Вчера Умин сказал мне, что уезд Цзяньань совсем рядом и мы сбились с пути... Нам вовсе не нужно было проезжать через «Лавку забоя овец». В тот момент я заподозрил, что вы сделали это намеренно. Мне так стыдно...

— Ваше подозрение было оправданным, — перебил его Возничий, видя, как тяжело юноше даются извинения. — В этом мире полно людей, которые слепо верят в чужую добродетель и позволяют водить себя за нос. Они покорно идут на убой, точно овцы, и тем самым лишь искушают других на злодейство.

Шаогун замер:

— Хотите сказать, что если бы я не заподозрил вас и мы бы погибли в той лавке, это была бы моя вина?

— Разве нет? — улыбнулся Уди.

— Выходит, отвечать добром на зло — ошибка? Доверять людям — оплошность? Видеть выгоду и забывать о долге — порок корысти, а прельщаться красотой — грех похоти?

Возничий не ответил прямо, лишь спросил:

— Вы ведь помните, как главу союза Е использовали в своих целях, а он всё равно продолжал стремиться к добру?

Шаогуну стало не по себе:

— Конечно, помню. Вы вчера рассказывали. Неужели и он был не прав?

— Вы видите лишь верхушку айсберга. Глава Е был доверчив, но обладал несгибаемой волей и непревзойденным мастерством, что и позволило ему выйти сухим из воды. Тот, кто доверяет без оглядки, обязан иметь за спиной силу. Те же, у кого есть красота или богатство, должны быть вдвойне осторожны и владеть хотя бы парой приемов для самообороны. Иначе как не попасть в беду? Идти в мир, не имея опоры, и надеяться лишь на милосердие окружающих, а при любой неудаче проклинать судьбу — это не доброта, а глупость.

В этих словах Шаогун почувствовал давящую ауру человека, привыкшего к битвам. Он не знал, как возразить.

— Дядя Уди, мой опыт невелик. Кроме книжных истин вроде «не пренебрегай даже малым добром», мне и сказать-то нечего. Вы говорите, что глава Е был истинным героем, но в мире полно простых людей, которым героями стать не суждено. Дайте мне время. Я пройду этот путь, познаю жизнь, и когда книжные знания сольются с моим собственным опытом, я обязательно поделюсь с вами своими мыслями.

Возничий на мгновение опешил, не ожидая такого ответа, а затем рассмеялся:

— Что ж, буду ждать ваших наставлений.

После этого разговора на душе у Шаогуну стало легче, а мысли прояснились. Странное дело: рядом с Умином его чувства вечно бушевали, а разум словно затуманивался, превращая его в капризного ребенка. Но Возничий действовал на него как мудрый наставник, напоминая о долге наследника клана Чжуан.

Наблюдая за тем, как Уди уверенно управляет с конями, Шаогун заметил, что Возничий, несмотря на свою простоту, обладает недюжинной силой. Когда рыжий Доушабао внезапно взбрыкнул, Шаогун едва не отскочил от испуга, но Уди лишь привычным движением придавил шею жеребца к земле, мгновенно успокоив животное.

— Этот Доушабао... он что, боится воды? — любопытно спросил Шаогун.

— Да нет, — Уди усмехнулся. — Это монгольский конь, он привык к дождям и снегам степей, копытами волков в пыль втоптывал. Беда в том, что его прежние хозяева могли месяцами его не чистить. Для него это привычно, а вот мытье он считает позором. Ничего не боится, кроме этой щетки — думает, что она лишает его боевого величия. Глупое создание, что с него взять.

Рыжий конь словно понял его слова: он горделиво встряхнул гривой и громко фыркнул.

Закончив с лошадьми, Возничий зачерпнул ведро воды из колодца для Шаогуну, а затем вылил на себя целую бадью, прямо через голову. Освежившись, он широким шагом направился в гостиницу переодеться.

Шаогун, оставшись не у дел, решил осмотреться. За постоянным двором виднелась густая бамбуковая роща, которую он не заметил ночью. У самой кромки леса возвышались два свежих земляных холмика. На ближайшем стволе бамбука были вырезаны восемь иероглифов: «В чем долг жизни, в чем вина смерти?»

Он замер, узнав строки из поминальной молитвы: «В чем долг жизни, в чем вина смерти? Ушел ли ты, остался ли — родным неведомо. Лишь слухи долетают, зыбкие и смутные. Сердце томится в неведении, лик твой является во снах. Лишь чарка вина да молитва... плач несется до края небес».

Должно быть, здесь покоились те несчастные, чьи тела они обнаружили вчера. Кто-то проявил к ним последнее милосердие.

Когда Шаогун вернулся, Возничий уже переоделся в чистую холщовую рубаху и выставил на стол блюдо с паровой рыбой и кадушку риса. Шаогун, который вчера побоялся притронуться к лапше, теперь отбросил все сомнения и ел с аппетитом.

— Дядя Ма, — спросил он между делом, — вы похоронили тех людей?

— Да, — просто ответил возничий. — Жаль бедолаг, сгнули ни за что. Подумал, вам будет больно на них смотреть, вот и прикопал поутру.

— Ваша правда. Вы для простого возничего слишком широкой души человек.

Ма рассмеялся:

— Предки мои всю жизнь с лошадьми возились, так что я на своем месте.

Они вместе убрали посуду и развесили постиранную одежду на веревках вдоль бортов повозки. Солнце стояло уже высоко, пора было в путь.

— Вчера та девушка в красном сказала, что по пути в Цзиньлин Умин и глава Е обречены на смерть. Дядя Ма, вы понимаете, о чем речь?

Возничий на мгновение задумался:

— Я ведь всего лишь кучер. Почему бы молодому господину самому не спросить того, кто наверху?

— Умин не встанет до полудня, — развел руками Шаогун. — Мы так до вечера не тронемся.

— Это не беда. «Тот малый» сейчас в глубоком медитативном сне. Перенесите его в повозку, так и время не потеряем.

Шаогун поверил ему на слово. Однако сил у книжного червя явно не хватало, чтобы поднять юношу на руки. Поколебавшись, он кое-как взвалил Умина на спину и, обливаясь потом, шаг за шагом снес его вниз, уложив на мягкие тюки в карете.

Лошади тронулись, и повозка снова выкатилась на тракт. Шаогун, сблизившись с возничим, не захотел запираяться внутри. Он уселся на козлы рядом с Ма, и они увлеченно заговорили о красотах южных гор и рек. Ма рассказывал легенды о древних руинах, а завидев бамбуковые плоты на реке Сян, где бакланы ластились друг к другу, принялся объяснять тонкости рыбалки.

Очарованный видом рыбаков в соломенных плащах и шляпах, Шаогун совсем позабыл о своем спутнике.

А внутри повозки Умин уже давно открыл глаза. Он молча достал из-за пазухи письмо, оставленное Шаогуном на столе. Развернув бумагу, он увидел ровные ряды каллиграфического почерка. Шаогун подробно расспрашивал о здоровье родителей, описывал красоты природы и делился раздумьями о том, как мудрецу избежать сомнений, а храбрецу — страха. Он

спрашивал, почему сердце милосердного человека не находит покоя, видя столько горестей в мире.

И ни единого слова о преступлениях Умина. Ни единого упрека.

Юноша аккуратно сложил письмо и отложил в сторону. Приподнявшись, он бесшумно выудил из мешка черствую кунжутную лепешку. Глядя в окно на проплывающие мимо горы, отражающиеся в зеркальной глади воды, он принялся медленно, кусочек за кусочком, жевать сухой хлеб.

<http://bllate.org/book/17481/1693027>